

РАЗДЕЛ 4.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

УДК 821.161.1-92

ГРИБОЕДОВСКИЙ ТЕКСТ У В. Г. КОРОЛЕНКО

Бачинская А. А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

В статье анализируется восприятие В. Г. Короленко грибоедовского творчества. Прокомментирована проведенная В. Г. Короленко параллель между судьбами А. С. Грибоедова и Е. А. Салиаса де Турнемир.

Ключевые слова: политическая неблагонадежность, литературная личность, исторический портрет писателя.

Постановка проблемы. В статье затронуты некоторые вопросы литературных оценок, которые дает В. Г. Короленко, будучи уже зрелым, сформировавшимся писателем. В частности, Короленко выделяет определяющее, или «стереотипное», качество для литератора – вольнолюбие, логичным следствием которого в обстановке тотального подозрения становится «печать неблагонадежности». Писатель проводит параллель между судьбой А. С. Грибоедова в последекабристский период и судьбами своих современников, в частности, автора исторических романов Е. А. Салиаса де Турнемир.

Целью данной статьи является сопоставление положения писателей разных эпох – А. С. Грибоедова, Е. А. Салиаса де Турнемир и самого В. Г. Короленко. В статье реализован ряд задач: систематизация восприятия сложившимся писателем В. Г. Короленко грибоедовского творчества, осмысление исторического портрета Е. А. Салиаса де Турнемир, а также значимость для В. Г. Короленко 1900-х гг. общегуманистических требований к писателю.

Для В. Г. Короленко литературное наследие А. С. Грибоедова – это, безусловно, эталон, который позволяет сформировать литературный вкус. Например, в письме к начинающему писателю Ф. М. Чеботарёву от 17 августа 1896 г. Короленко рекомендует: «Вы не потеряете времени даром, если почитаете наших лучших писателей – Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Грибоедова, Гончарова – целиком, Достоевского – хотя бы «Преступление и наказание» [3, с. 512]. В восприятии В. Г. Короленко творчество А. С. Грибоедов – это своеобразный «знак качества», с помощью которого можно оценить то или иное произведение литературы, в особенности драматическое. В статье о Н. В. Гоголе «Трагедия великого юмориста» Короленко называет персонажей «Ревизора» «бессмертными гоголевскими фигурами», чьи «изречения становились стереотипными, как некоторые стихи Грибоедова...» [3, с. 173]. Нако-

нец, для В. Г. Короленко «эталонной» является и сама жизнь А. С. Грибоедова. На некоторых событиях из биографии русского классика Короленко останавливается более подробно. В «Истории моего современника» Короленко сравнивает похороны Некрасова с похоронами Пушкина и Грибоедова: «Когда он (Некрасов. – А. Б.) умер (27 декабря 1877 года), то, разумеется, похороны его не могли пройти без внушительной демонстрации. В этом случае чувства молодёжи совпадали с чувствами всего образованного общества, и Петербург ещё никогда не видел ничего подобного. Вынос начался в 9 часов утра, а с Новодевичьего кладбища огромная толпа разошлась только в сумерки. Полиция, конечно, была очень озабочена. Пушкин в «Поездке в Эрзерум» рассказывал, как на какой-то дороге, на границе Грузии и Армении, он встретил простую телегу, на которой лежал деревянный гроб. «Грибоеда везём», – пояснили ему возчики-грузины. Тело самого Пушкина, как известно, было вывoločено из Петербурга подобным же образом, бесчестно и тайно. Эти времена давно прошли, и власти были уже не в силах удержать проявление общественных симпатий. Некрасова хоронили очень торжественно и на могиле говорили много речей» [4, с. 432].

Ещё одно обращение к имени Грибоедова и его произведениям возникло в работах Короленко тоже в связи со смертью, но на этот раз графа Е. А. Салиаса-де-Турнемир. В январе 1909 г. Короленко опубликовал в газете «Киевские вести» заметку несколько необычного жанра «К некрологу гр. Е. А. Салиаса», которая называлась «Стереотипное в жизни русских писателей». Что же в понимании В. Г. Короленко являлось «стереотипным»? Писатель даёт развернутый ответ: «Когда умирает русский писатель, какого бы калибра он ни был, то ему, вероятно, как всякому подсудимому на суде, прежде всего предлагают на том свете вопрос: „Был ли в каторжных работах? На поселении в Сибири? Под судом? В тюрьме. Ссылался ли административно? Или, по меньшей мере, не состоял ли под надзором полиции, явным или тайным?“ И редкий из нашей братии может, положив руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял. Такая уж преступная профессия» [3, с. 155]. Чтобы подтвердить этот тезис Короленко обращается к истории русской литературы и публицистики: «С первым лепетом российской публицистики началась и эта история: уже Новиков и Радищев открыли скорбный мартиролог. О Пушкине и Лермонтове известно. Даже Грибоедов, видный чиновник и российский „полномочный министр“ при персидском дворе, не избежал путешествия на фельдъегерских с Кавказа в Петербург» [3, с. 155].

Далее Короленко ссылается на записки П. А. Каратыгина, впервые опубликованные в журнале «Русская старина» (№3, 1872 г.), и приводит грибоедовский стихотворный экспромт:

«По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово „раб“.
Меня и взяли в главный штаб
И притянули к Иисусу» [3, с. 155].

Четверостишие это было сочинено в связи с арестом в 1826 г. Тогда, как отмечает С. А. Фомичев, на Грибоедова пало подозрение «не просто в принадлежности к тайному обществу, но и в том, что он служил связным между Северным и Кавказским обществом» [5].

Современные литературоведы относят этот текст к приписываемым Грибоедову. В последнем полном собрании сочинений А. С. Грибоедова, изданном Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, данное четверостишие печатается так:

«По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово: раб...
За то посажен в главный штаб
И там притянут к Иисусу!» [2, с. 240].

Когда и по какому поводу написал это четверостишие А. С. Грибоедов? В комментарии А. В. Архиповой указано: «Все мемуаристы связывают экспромт с именем Грибоедова и относят создание его к 1826 г., ко времени ареста и заключения в главном штабе с 11 февраля по 4 июня или ко времени сразу после освобождения» [2, с. 516]. Исследователям известны некоторые детали о создании экспромта. Например, в записанной тетради Н. В. Путятты есть указание, что Грибоедов начертил четверостишие на стене или на оконной раме, находясь под арестом.

Интересна специфика функционирования этого текста в читательской среде. Изначально четверостишие не было опубликовано по понятным причинам, однако оно было хорошо известно современникам Грибоедова. Д. А. Смирнов в статье «Биографические известия о Грибоедове», опубликованной в 1868 г. в «Беседах в Обществе любителей российской словесности», упоминает о «едва ли кому не известном четверостишии, которое неудобно печатать» [2, с. 516]. Популярность текста, закрепленного лишь в устной традиции, привела к тому, что варианты четверостишия множилось – сегодня их известно шесть. Начиная с 1870-х гг. четверостишие начало появляться в русских журналах в воспоминаниях современников Грибоедова. Именно на такие воспоминания – записки П. А. Каратыгина и ссылается Короленко. Писатель цитирует экспромт Грибоедова в 1909 г., когда печатать его уже вполне «удобно» и безопасно, однако четверостишие уже нельзя назвать «едва ли кому не известным». Наоборот, Короленко приводит грибоедовский текст в качестве мало кому известного факта из истории русской литературы.

Однако какое отношение этот исторический факт имел к некрологу Короленко по поводу смерти Е. А. Салиаса де Турнемир, ещё точнее – к дополнению к некрологу? Что общего в судьбах А. С. Грибоедова и графа Е. А. Салиаса де Турнемир? Для Короленко ответ очевиден: «Трудно сказать, найдется ли хоть один русский писатель, не заштемпелеванный хоть когда-нибудь, хоть однажды в своей жизни печатью „неблагонадёжности“...» [3, с. 156].

Е. А. Салиас де Турнемир имел репутацию литератора крайне консервативного. «Граф, аристократ, цензор, вообще человек „вполне благонадёжный“». Даже «Новое время» и «Россия» не нашли на его репутации пятна и упрёка и посвятили ему самые благосклонные некрологи», – начинает свое дополнение к некрологу Короленко. Между тем, Салиас де Турнемир считался «благонадёжным» не всегда. Собственно, короленковское дополнение к некрологу – это рассказ о «неблагонадёжном эпизоде», о котором забыли прочие «некрологисты». Интерес Короленко к фигуре Салиаса де Турнемир можно объяснить тем, что в конце XIX – начале XX вв. это был один из наиболее популярных в России писателей. Исходя из статистических данных земских библиотек, по читательской популярности Салиас де Турнемир

опережал «не только российских исторических романистов: таких как В. С. Соловьёв, Г. П. Данилевский, Д. Л. Мордовцев, но и зарубежных мастеров развлекательного жанра – Александра Дюма (отца) и Жюль Верна» [1].

В 1870-1890 гг. его историко-приключенческие повести и романы один за одним выходили на страницах самых популярных журналов России: «Нивы», «Русского вестника», «Исторического вестника», «Огонька», «Русской мысли». Перечисление его произведений займёт не менее страницы: «Найденыш», «Братья Орловы», «Волга», «Граф Татин Балтийский», «Мор на Москве», «Принцесса Володимирская», «Вольнодумцы», «Философ», «Машкерад», «Петербургское действо», «Пугачевцы», «Миллион» (в последующих изданиях «Ширь и мах»), «Атаман Устя», «Кудесник», «Яун-Кундзе», «В старой Москве», «Свадебный бунт», «Мадонна», «Сенатский секретарь», «Джеттатура», «Донские гишпанцы», «Француз», «Граф Калиостро», «Аракчеевский сынок», «Аракчеевский подкидыш» и др. В 1890-1917 гг. два раза издавалось полное собрание сочинений Е. А. Салиаса де Турнемир. В 1890-х гг. – первое прижизненное в 33 томах. С 1901 г. – второе, которое должно было стать полным. До Октябрьской революции 1917 года успели выйти 20 томов, после – сочинения Салиаса де Турнемир не переиздавались до 1990-х гг.

Принято считать, что о культуре эпохи стоит судить не только по тем произведениям, которые были написаны в тот или иной период, но и по тому, что в тот период было востребовано читателем. В этом смысле без Е. А. Салиаса де Турнемир представление о литературном процессе в России второй половины XIX в. было бы неполным: «Представить русскую словесность без Салиаса – это все равно, что представить французскую литературу без Александра Дюма-отца» [1]. Однако за читательскую популярность Е. А. Салиас де Турнемир заплатил своей писательской репутацией. Среди либерально-демократической критики его престиж стал крайне низок: как художника его называли подражателем и эпигоном (главным образом, Л. Н. Толстому и И. С. Тургеневу), как гражданина его считали консерватором и монархистом, потому что его авантюрно-приключенческие романы были по духу «историко-патриотическими» [6].

О каком же «неблагонадежном» эпизоде из жизни Е. А. Салиаса де Турнемир пишет Короленко? Речь идёт о волнениях студентов Московского университета в 1861 г. Характерно, что Короленко пересказывает эту историю по письменному свидетельству самого Е. А. Салиаса де Турнемир – воспоминаниям графа, опубликованным в 1898 г. в «Историческом вестнике».

В 1861 г. Е. А. Салиас де Турнемир был избран в числе трёх студентов, которые отвезли прошение на высочайшее имя в Петербург. Граф явился за ответом к шефу жандармов князю В. А. Долгорукову. Тот принял студента «весьма милостиво», прочёл ему «назидательную речь» и отпустил в Москву. В результате этих событий «на имени юного студента поставлен штемпель: „неблагонадежный“, и он попал под негласный надзор полиции» [3, с. 156]. Далее Короленко даёт биографическую справку о состоявшейся, несмотря на поднадзорность, карьере Е. А. Салиаса де Турнемир: граф стал чиновником по особым поручениям при тамбовском губернаторе, потом, «по личному желанию графа Д. А. Толстого», сделался редактором «С.-Петербургских ведомостей», был принят в российское подданство «с высочайшего соизволения», сразу получил чин надворного совет-

ника, был членом комитета цензуры иностранной в Петербурге, управляющим конторы императорских театров, в этом качестве представлялся государю.

Затем Короленко приводит эпизод из жизни графа Е. А. Салиаса де Турнемир, который, вероятно, и заставил публициста взяться за написание дополнения к некрологу. Однажды граф писатель-романист отправился в провинцию, где «губернатором был его приятель», у которого граф и остановился. По приезду Салиаса де Турнемир губернатору принесли секретную бумагу, в которой хозяину дома предлагалась «секретная анкета, относившаяся к его гостю как состоящему под тайным надзором полиции». Е. А. Салиас де Турнемир, а вслед за ним и Короленко, подчёркивают, что «неблагонадёжным» граф числился и спустя 19 лет (!) после университетской истории.

Понятно, что Е. А. Салиас де Турнемир, воспитанный в духе либеральных ценностей, исключенный с третьего курса университета за участие в волнениях 1861 г., на литературном поприще получивший «благословение» от самих А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, болезненно воспринимал сложившееся к концу жизни реноме «квизипатриотичного» и «реакционного» писателя.

Но почему об этом факте решил написать В. Г. Короленко? Возможно, Е. А. Салиас де Турнемир входил в его круг знакомых, и Короленко хотел восстановить истину, повлиять хотя бы на посмертное восприятие романиста широкой публикой. Был ли Короленко поклонником творчества графа? Вряд ли. Во-первых, в своем дополнении к некрологу «Стереотипное в жизни русского писателя» Короленко крайне лаконичен в вопросах оценки художественного наследия Е. А. Салиаса де Турнемир. Романист назван автором «Пугачёвцев», и только. Во-вторых, в «Истории моего современника» Короленко противопоставляет чтение приключенческих романов вроде «Трёх мушкетёров» и «Графа Монте-Кристо» Дюма (с которым сравнивали Салиаса де Турнемир), чтению серьезной литературы: Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гончарова [4, с. 223]. Парадоксально, но сравнение фактов биографии Грибоедова и Салиаса де Турнемир в этом «дополнении к некрологу» более всего характеризует не героев публикации, а самого автора. Для В. Г. Короленко, несомненно, важен социально-политический аспект литературы, в которой настоящие литераторы представляют собой «ссылочно-неблагонадёжную корпорацию». Он по праву и себя считает членом этого товарищества. У него это выстраданная жизненная позиция, учитывая его ссылки и другие детали биографии.

В заключение статьи «Стереотипное в жизни русского писателя» Короленко приводит факт из биографии А. С. Пушкина, который «числился неблагонадёжным чуть ли не полвека спустя своей смерти», и был вычеркнут из списков поднадзорных только в 1870-х гг. шефом жандармов генерал-адъютантом Н. В. Мезенцевым [3, с. 158].

Для Короленко это не просто «поразительный факт» из истории литературы – это часть его собственного писательского и гражданского «морального кодекса», характеристика его литературной личности. Ведь впервые Короленко привел этот факт в 1902 г., когда вместе с А. П. Чеховым сложил с себя полномочия академика Петербургской академии наук в знак протеста против исключения из её рядов А. М. Горького. В письме к А. П. Чехову от 4 августа 1902 г. В. Г. Короленко указывает на Новикова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксаковых, которые «в своё время подверга-

лись административному воздействию разных видов, а надзор над А. С. Пушкиным <...> длился ещё тридцать лет после смерти поэта» [3, с. 533].

Как видим, «неблагонадежность» – это ключевой «стереотипный» момент в жизни русских писателей. И для Короленко этот аспект крайне важен. Следует понимать, что Короленко сравнивал не классика русской литературы А. С. Грибоедова и автора историко-приключенческих романов Е. А. Салиаса де Турнемир – было бы нелепо сопоставлять писателя, который в памяти последующих поколений, остался автором одного блестящего произведения, «расташенного на цитаты» [5], и автора тридцати трёх томов, содержание которых сегодня известно разве что историкам литературы. Короленко сравнивает обстановку тотального недоверия, в которой каждого писателя сопровождает «ореол» политической неблагонадежности. Несомненно, Короленко в этом ряду он мыслит и себя, что в полной мере подтверждает его итоговое произведение «История моего современника». Это важно для представления о литературной личности самого Короленко и, в целом, для понимания развития литературных личностей разных эпох, когда готовность к протесту и последующим испытаниям являлась исторически сложившейся и необходимой личной характеристикой.

Список литературы

1. Беляев Ю. Любимец читающей России / Ю. Беляев // Евгений Салиас. Сочинения: в 2 т. / Вступительная статья, составление и комментарии Ю. Беляева [Электронный ресурс]. – М.: «Художественная литература», 1991. – Т. 1.: Историческая проза. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/salias_e_a/text_0020.shtml
2. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / А. С. Грибоедов / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. С. А. Фомичев. – С.-Петербург : Издательство «Нотабене», 1995– . – Т. 2. : Драматические сочинения, стихотворения, статьи, путевые заметки. – 1999. – 618 с.
3. В. Г. Короленко о литературе / Составление, подготовка текста и примечания А. В. Храбровицкого. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 716 с.
4. Короленко В. Г. История моего современника: в 2 кн. / В. Г. Короленко / Вступит. ст. и примечания Б. Аверина; оформл. худож. А. Дурандина. – Л.: «Художественная литература», 1976. – 2 кн. – Кн. 1.: История моего современника. Тома 1 – 2. – 552 с.
5. Фомичев С. А. Грибоедов. Энциклопедия [Электронный ресурс] / Сергей Фомичев / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – СПб.: «Нестор-История», 2007. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6105>;
6. Литературная энциклопедия: в 11 т. [Электронный ресурс] – М.: «Художественная литература», 1929 – 1939. – Т. 10. – 1937. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/lea/lea-5002.htm>

Бачинська А.О. Грибоедівський текст у В. Г. Короленка / А.О. Бачинська // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 501–506.

У статті аналізуються сприйняття В. Г. Короленко творчості О. С. Грибоедова. Прокоментована проведена В. Г. Короленко паралель між долями О. С. Грибоедова і Є. О. Салиаса де Турнемір.

Ключові слова: політична неблагонадійність, літературна особистість, історичний портрет письменника.

Bachinska A. The Griboedov text at V. G. Khorolenko / A. Bachinska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 501–506.

The article analyzes Korolenko's perception of Griboyedov's works. The author of given article comments a comparison between Griboedov's and Salias de Turnemir's fate, written by V. Korolenko.

Key words: politically suspect, literary identity, historical portrait of the writer.

Поступила в редакцію 11.10.2012 г.